

Гу Емин в одностороннем порядке объявил режим охраны, что вызвало немалый переполох в третьей школе Синчэна. Куда бы ни направился Шэнь Цинсянь, в радиусе трех метров неизменно возникала фигура Гу Емина. Подобно льву, помечающему свою территорию, он ледяным взглядом и аурой, не подпускающей посторонних, отсекал всех, кто пытался приблизиться к Шэнь Цинсяню.

Шэнь Цинсянь на это никак не реагировал. Его вполне устраивало спокойствие, и он тратил все силы на то, чтобы втайне восстановить внутреннюю энергию, подорванную тем вечером из-за форсированного использования духовных техник. Присутствие Гу Емина, хоть и было навязчивым, неожиданно оградило его от множества ненужного внимания и хлопот. Однако этот вездесущий, обжигающий взгляд, который, казалось, готов был прожечь его насквозь, часто вызывал необъяснимое раздражение.

В обеденный перерыв Шэнь Цинсянь решил найти место, где можно побыть в абсолютной тишине, и в одиночку поднялся на крышу учебного корпуса. Сюда редко кто заглядывал, и это было его единственным уголком покоя.

Однако, едва он толкнул тяжелую железную дверь, как увидел знакомую фигуру, прислонившуюся к перилам спиной к нему. Полуденный ветер трепал пряди его каштановых волос, школьная куртка небрежно лежала на плечах — это был Гу Емин.

Шэнь Цинсянь замер и тут же развернулся, собираясь уйти.

— Прячешься от меня? — голос Гу Емина звучал с едва уловимым холодом. Он не обернулся, но казалось, будто на затылке у него были глаза.

Шэнь Цинсянь остановился и ответил ровным тоном:

— Нет, просто хотел побыть в тишине.

Гу Емин развернулся. Против света его лицо казалось сумрачным и нечитаемым. Он шаг за шагом приближался к Шэнь Цинсяню, и его высокая фигура давила своей мощью:

— Побыть в тишине? Тебе настолько противно находиться рядом со мной?

Шэнь Цинсянь слегка нахмурился, ему не нравился этот допрос:

— Одноклассник Гу, мы всего лишь сидим за одной партой. — Он попытался провести четкую черту.

— Всего лишь сидим за одной партой? — Гу Емин остановился в шаге от него, глядя сверху вниз. Его взгляд был острым, как лезвие, а уголки губ искривились в насмешливой улыбке. — Шэнь Цинсянь, кем ты меня считаешь? Своим телохранителем? Или забавой, чтобы убить время?

Он подошел слишком близко — настолько, что Шэнь Цинсянь почувствовал слабый запах табака (очевидно, Гу Емин только что курил) и исходящий от него агрессивный, типично мужской аромат. Шэнь Цинсянь инстинктивно отступил назад, но спиной уперся в холодную железную дверь.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — Шэнь Цинсянь отвел взгляд, избегая его жгучих глаз.
— Отойди, мне пора возвращаться.

— Не понимаешь? — Гу Емин тихо усмехнулся, и в этом смешке сквозили подавленный гнев и нечто гораздо более глубокое. Он резко вскинул руку, упершись в дверь рядом с головой Шэнь Цинсяня, запирая его в узком пространстве между собой и металлом. — Посмотри мне в глаза и скажи: ты действительно ничего ко мне не чувствуешь?

На крыше гулял ветер, взъерошивая их волосы. Шэнь Цинсянь, зажатый в тени Гу Емина, отчетливо чувствовал вибрацию его груди от переполнявших того эмоций. Он поднял голову, и его янтарно-серые глаза встретились с горящим темным огнем взглядом Гу Емина.

— Гу Емин, ты переходишь границы, — голос Шэнь Цинсяня стал холодным, с ноткой предостережения.

— Я перехожу границы? — Гу Емина словно задело это замечание. Он резко подался вперед, кончик его носа почти коснулся носа Шэнь Цинсяня, их дыхание смешалось, а тон стал опасным и одержимым. — Я отношусь к тебе хорошо, защищаю тебя, готов вырвать сердце и отдать тебе! А ты? Всегда эта ледяная маска! Шэнь Цинсянь, у тебя вообще есть сердце?

В его обвинении сквозили обида и гнев, отчего сердце Шэнь Цинсяня невольно сжалось. Но ему не нравилось, когда его припирают к стенке, и еще меньше — состояние Гу Емина, близкое к потере контроля.

— Как я к тебе отношусь — это мое дело, — Шэнь Цинсянь попытался оттолкнуть его, но Гу Емин схватил его за запястья с пугающей силой.

— Твое дело? — Гу Емин впился в него тяжелым взглядом. — С того самого момента, как ты появился в моей жизни, твои дела стали моими!

Не успел он закончить фразу, как на глазах у ошеломленного Шэнь Цинсяня Гу Емин резко наклонился и грубо впился в его губы!

Это был поцелуй, полный жажды обладания и карающего напора — жестокий, нетерпеливый, не терпящий отказа, словно он собирался полностью поглотить этого холодного человека. Горечь табака и жар юношеского дыхания мгновенно окутали Шэнь Цинсяня.

Зрачки Шэнь Цинсяня сузились, мозг на мгновение отключился. Он инстинктивно попытался

вырваться, но его запястья держали намертво, а вторая рука, упертая в твердую грудь Гу Емина, не могла сдвинуть его ни на миллиметр. Чужой, непривычный и властный аромат пропитал его чувства, заставляя тело оцепенеть.

— Тревога! Тревога! Обнаружено сильное эмоциональное воздействие на хоста! Объект Гу Емин полностью потерял контроль! Уровень связи резко возрос до 60%! Уровень опасности: высокий! — в голове прозвучал визг Сяо Цзю.

Унижение, гнев и доля паники, которую он сам не мог осознать, захлестнули его. В глазах Шэнь Цинсяня промелькнула ярость, и подавляемая доселе крошечная частица божественной силы инстинктивно сконцентрировалась на кончиках его пальцев!

Однако в тот самый миг, когда он был готов нанести удар, он отчетливо почувствовал, что рука Гу Емина, удерживающая его, слегка дрожит. А тот грубый поцелуй после первичного напора вдруг сменился почти отчаянным, осторожным касанием, словно он проверял, не является ли Шэнь Цинсянь хрупким сокровищем.

Эта мелкая дрожь и перемена стали словно иглой, неожиданно пронзившей лед в сердце Шэнь Цинсяня. Сконцентрированная сила тихо рассеялась.

Поцелуй закончился. Гу Емин слегка отстранился, тяжело дыша. Безумие в его глазах отступило, уступив место глубокой, почти болезненной растерянности. Он смотрел на припухшие от поцелуя губы Шэнь Цинсяня и на его глаза, затуманенные шоком, и его сердце словно пронзило острой болью.

— Прости... — он разжал руки, его голос охрип от запоздалого замешательства. — Я... я потерял контроль.

Шэнь Цинсянь промолчал. Он лишь холодно смотрел на него, поднимая руку, чтобы с силой стереть след с губ, словно пытаясь избавиться от чего-то грязного. Это движение больно резануло по глазам Гу Емина.

— Я настолько противен тебе? — в голосе Гу Емина прозвучала едва уловимая хрупкость.

Шэнь Цинсянь оттолкнул его и поправил сбившийся воротник. Его взгляд снова стал холодным и отстраненным, хотя румянец на ушах выдавал беспокойное сердце.

— Гу Емин, — произнес он без единой эмоции, — в следующий раз такого не будет.

Сказав это, он не взглянул на мгновенно побледневшее лицо Гу Емина, развернулся и, не оглядываясь, покинул крышу.

Железная дверь за его спиной захлопнулась с тяжелым грохотом. Гу Емин остался стоять на

крыше, позволяя ветру трепать волосы. Он поднял руку и коснулся своих губ — на них, казалось, еще оставалось ощущение холодной мягкости. Огромное чувство раскаяния и еще более глубокие, невыразимые эмоции были готовы поглотить его.

Кажется... он всё испортил.

А Шэнь Цинсянь, быстро спускавшийся по лестнице, прислонился к холодной стене, тяжело дыша. На губах, казалось, все еще горел след того властного поцелуя, а перед глазами стоял последний, полный отчаяния взгляд Гу Емина.

— Хост, ваш пульс критически участился. Нужно ли запустить программу охлаждения? — осторожно спросил Сяо Цзю.

Шэнь Цинсянь закрыл глаза, сделал глубокий вдох, а когда открыл их, в них снова была ясная прохлада.

— Не нужно.

Он зашагал в сторону класса, только шаги его были чуть поспешнее обычного.

Этот Гу Емин — определенно огромная проблема. И эта проблема, кажется, начала развиваться в совершенно непредсказуемом направлении.

<http://bllate.org/book/18866/1841410>